

Конь из пустоты

Половина ночи прошла в мучениях. Металась по кровати, немилосердно скрипели и проседали под весом тела хлипкие дощечки, вполголоса ругались соседи по комнате, проклиная мою вечную бессонницу.

Дремой свело веки под утро. Угомонились, перестали суетиться и топотать под полом домовой да домовиха. Прекратил вздыхать паровик в углу, расползся седыми клочками. Светало.

От мутного сна тяжело сосало под ложечкой, куда-то волокно, нашептывало на уши, вытягивало душу из тела... Не ваша. Не ваша. Не ваша еще... Снова очнулась в холодном поту.

На перевалочной было жарко натоплено и полутемно. Чумазая девчонка скоблила и натирала воском пол. Увидела, что я проснулась, вскрикнула, будто маленький хозяин ей занозу в зад вогнал, и кинулась прочь. Дурища.

Сволокла тяжелое тело с гостевой кровати. Заныли кости. Быть грозе к вечеру. В уши тоненько напевал дневной свет.

Солнце к полудню идет. Скоро горелым девкам являться час. В соседнем доме шишимора пакостит... Надо бы наведаться к ним, пока почтовых не подали.

Вышла на задний двор, умываться. На немытую-то харю глядеть быстро шушунки набегут. Вода болотницей пованивала. Приторный, головокружительный запах отбивал чуйку напрочь. Близко-близко шелестит тайга, стонут деревья – то лешак по ним скачет, ровно облизьяна заморская. В разбитой колее, полной жирной грязи, возятся поросята. Шмыгают под ногами курята. Ухает в хлеву, что стоит наискось, подовинник. Это ничего, все местные.

Хозяйка перевалочной мимо шла, поклонилась в пояс. Идемте, говорит, обедать, божена, Данка-то на стол собрала уже.

Помолясь, сели за стол. Данка сидит, ногами болтает, ложкой в каше возит, а есть – не ест. Мать зыркнула на нее так, и говорит:

— А ну ноги смирно держи, не то прибежит анчутка, да на ноги тебе и сядет. Так и будешь всю жизнь его на себе катать!

Щеки у девчонки побелели, ноги поджала, жалобная стала, что твой щенок битый! Видать, слыхала про анчутку...

Отобедали. Полуденный жар выгнал из-под земли горелых девок. Ставни закрыли, пока пережидали, успела и волосы вычесать, да переплести. Обереги свои перепроверила, все на месте. Гребень костяной, соляной комок, земля гробовая, ножницы стальные, берестяной клочок, уголь доброго очага, да святой воды пузырек.

Пора и к соседушке наведаться. Не по хорошему шишимора ночью клекотала, бедулину какую, небось, затеяла...

Сапоги в грязи едва не утопила, а до дома-то рукой подать! На крыльце пацанчик сидит, пухленький, щеки розовые, точно яблочки налитые. Стала в дверях:

— Хозяюшка дома?

— Дома, боженушка, дома! — откликнулись изнутри.

Вхожу, смотрю, старик у печи лапти плетет, старуха у окна пряжу прядет. Дочка их по хозяйству управляется. Хлеб заводить вздумала, хватить за кринку с молоком — там одна сыворотка, да с плесенью... Охнула, скривилась, выплеснула за окно... Сама, вроде тельна, да румяна, а глаза у ней тусклые, будто неживые.

Что, говорю, шишимора вам пакостит, хозяева добрые? А они мне:

— Пакостит, боженушка, управы на её нет! Домового с домовихой извела, всех ночью щиплет, зерно сгноила, овцы заплешивели, сносу нет! Только Яську малого не трогает.

Стонет мне из подпола, в самые уши, тоненький голосочек, свербит, плачется... Меня мамка сгубила, проезжему подложила, тот со мной развлекался, всяко надо мной измывался... Сто рублей мамке заплатил, да на следующий день таков и был... Родила я по сроку сыночка, а мать нерадивая проклала родную дочку... Каждый божий день меня к черту посылала... Пока я шишиморой не стала...

— Есть на вашей хозяйке тяжкий грех, не смыть его и святой водой. Пусть отмаливает в церкви три дня и три ночи душу дочери своей, ею же и загубленную. И кости ее, в подполье зарытые, пусть по обряду захоронят. Завтра ополночь пусть идет в тайгу, нарвет папоротнику высокого, да всю посуду им перетрет, перемоем, полы, столы, подоконники, на пол настелит. Тогда шишимора до отпевания успокоится. У домовых соседских попросите потом по-хорошему, с поклоном, домовёнка в услужение. Авось, отдадут, пожалеют глупость человеческую...

Побледнели старики, на дочь свою по-новому взглянули. Гневно. Та слезами залилась, причитать стала, оправдываться... Нищета, мол, на страшное дело толкнула, а после совесть все сердце выела.

Не стала слушать да глядеть. Вышла из дому, Яське на запястье нитку суровую повязала из крапивного волокна. От дурного глаза, да от злобы людской и нелюдьею.

Тут и почтовых подали. Тройка плотная, кони статные, накормленные, видно, хорошо за ними конюшенный ходит.

Духота пополудни разразилась бурей... Крепкая, крытая кожей повозка не пропускала крупные капли, что дробно грохотали по крыше. Боль до того крутила кости, а после сошла на нет.

До города добрались затемно. Объявлять о своем присутствии не стала, кому надо — сами поутру придут. Остановились в погостных хоромах. По соседству расположились гости с огромным караваном повозок, набитых разнообразными товарами.

В городе было чуть спокойнее, чем на перевалочной. Меньше нелюди, тише ночами. Не успела вздохнуть свободнее, полагая, что сегодня-то уж удастся выспаться, как услышала...

Воздух гудел тугой гусельной струной, низко, басовито. Выл, ревел надвигающимся водным потоком. Нечто крупное нашло здесь приют. Нездешнее.

Ночь обещала быть кошмарной. Лил дождь. К утру разъяснило.

Первый луч солнца застал в сумрачном закоулке. От гула трясло. Он, мстилось, всюду разливался, без начала и без конца. Металась, ровно умалишенная, искала исток — и не находила.

На базар занесло, слышу, две бабы промеж собой гуторят:

— Слыхала ты, Акулинка-то вдова, себе жеребца какого отхватила! Черен, как смоль, а силушка — четверо кузнецов не удержат! За копейки цыган ей сбыл. Думала, хозяйство подымать с ним, да куда там! Он только жрет да спит, да на реку ходит...

— Да то, слышь ты, самого Поддонного царя конь! Даром ему любо в речке денно да ночью бултыхаться? Бесовской жеребец, истинно говорю тебе!

— Твоя правда, Ксанушка, ой, правда... Эй! Сваха, слыхала, Акулька-то вдова в услужение бесовского коня взяла! Полна хата уже Поддонного царя сокровищ!..

Значит, Акулина. Вдова. Помню этот дом, на отшибе стоит, у самой воды притулился.

Гул в голове будто чуть утих. Или привыкла уж. Стала различать отголоски, будто не один звук в голове, а два. Один повыше, другой пониже. Будто парой поют. Может, и впрямь, двое пришедших?

Заслушалась, не заметила, как полдень подошел. Глядь — ставни кругом закрыты уж, люди по домам сидят, одна я по улице бегая, как шальная. Угораздило же! Вот-вот горелые девки поднимутся, да с собой под землю утащат. Окликнули из дома одного:

— Боженушка, сестричка, иди к нам, полдень переждать!

— Благодарствую, сердечные! — Заскочила в растворенную дверь, крестное знамение положила, поклонилась трижды на иконостас в красном углу. Домовята выскочили — да к ногам. Льнут, что твои котята!

— Добрые хозяева у вас? — Спрашиваю.

— Добрые, ласковые. Молочком поят, медком кормят. Хлеба не жалеют, кафтаны новые пошили, — пищат домовята. И вправду, дружная семья тут живет. Вышла хозяйшка, худенькая, а грудь налита, глаза большие, улыбается, зубы кажет. Мелочь пузатая от нее по углам не порскнула, обратно тому — на руки запросились. Удивительно мне стало, никак, сестра мне? Божья невеста?

Кивает мне, будто мысли услышала.

— Должна была стать, боженушка, да мамка с батькой взамуж отдали, по любви великой. Силушки, как у тебя, нет, да вот нелюдь всякая привечает, словно родную.

Тут и муж выходит, видать, кузнец местный: плечи в косую сажень, кулаки тяжелые, лицо от печного жара красное, губы в улыбке тянет, зубищи крепкие, клыки — зверю в пору! А глаза добрые, нежно на супругу смотрит. Легче стало. Голова уж не так трещит.

В горницу вошли, гляжу, люлечка на крюк подвешена, домовиха на высоком стуле сидит, сказки младеню сказывает. Тот гулит по-своему, ручками машет, рот беззубый, а туда же — лыбится. Сердце защемило, глаза на мокром месте, не видать детей своих вовек. Только если взять сиротку в помощницы...

Посидели, поговорили. Накормили меня от души, думала, из-за стола не поднимусь, так отяжелела. Сон на веки сел, задремала. Будить меня не стали, одеяльцем лоскутным накрыли, подушку мяконьку под голову положили.

Проснулась под вечер. И за весь день не слышать у них в доме ни крику, ни спору, ни дурного какого разговору. Дитя спокойное, не крикливое, мать его, видно сама грудью кормит.

Проводили с гостинцами, попросили еще в гости захаживать, как ноги занесут.

В пору к Акулине наведаться. Два года как ее не видала. Дурно дела у нее шли. Домик осел, скособочился, забор обвалился. Вышла навстречу в слезах, платком лицо утирает.

— Ой, боженушка, добро пожаловать! Горе у меня, на беду свою купила на остатний рубль у цыгана коня! Работать не заставишь скотину, только жрет да пьет, в стойло носит речную тину! Ничем его не отчистить, не отмыть, брыкается, зубы скалит, не хочет под скребок итить... И зачем он на голову мою навязался? Не иначе как бес, откуда иначе он взялся? Отошли его, божья невеста, туда, где ему самое место!

Солнце уже к западу скатилось, скот с пастбищ погнали. Время ее коню в стойло возвращаться.

Гляжу, поднимается из воды. С таким-то оборотнем в хозяйстве, и в самом деле не далече и до беды! Огромный, в полтора человеческих роста, шкура лоснится, водоросли на шее и на крупе, копыта в иле, грива — чистый пурпур царский, а морда... Морду будто у кого украл. Скулы широкие, острые, шерсти нет — все в кожных наростах. Ноздри овальные, узкие. Клюв кабыть черепаший: коли защемит — и кости раздробить может. Глаза осмысленные. Горячими углями светятся.

Страх разобрал. Люди-то его как положено видят, конь конем, только здоровенный! ... Ох, боженьки святы! Прет, не разбирая дороги, глазами сверлит, сожрать готов, и не подавится ведь!

Струсила. Побежала, куда глаза глядят. Нездешний он, пришлый, поди разбери, как с ним справляться? А ежели поужинать решил человечинкой? Бегу, слышу, — он за мной. Копыта грохочут, нагонит ведь! Со страху припустила так, как ни в жизнь не бегала!

В дом гостевой забежала, дверь захлопнула. Задохлась, внутренности будто в смоле варят кипучей. В окно за ним смотрю. Остановился во дворе, ни пота на нем, бока не ходят. Вот скотина всамделишная! Смотрит только укоризненно, будто не он гнал, а его.

Потоптался, пофыркал, да пошел назад. Народ его сторонится, по обочинам жметя. Ушел.

Ох и разобрал стыд! Испугалась пришлого! Ну и ну... Разозлилась на себя, часа три с духом собиралась. К полуночи одежды обрядовые из сундука достала, обереги повязала, помолилась Богородице и отправилась к Акулине вновь.

Не спит вдова, лучинка в оконце едва теплится. Слышу, молится на образа, челом бьет. Вошла к ней.

— Что ж, — говорю, — ты мне сразу не сказала, что пришлый у тебя приют нашел? Да еще такой? Насилу ноги унесла.

Молчит Акулина, глаза прячет.

— Да вот, соблазнилась ценой, а когда поняла кто таков, так и надеяться было только что на божен. Трое проездом были, уговорить пробовала потихоньку изгнать его. Не идет бес! Вот уж и на базаре слухи пошли...

Ничего не сказала. Вышла к конюшне. В голове гудит. Ноги ватные, а что делать? Пошла.

Подхожу к стойлу его — лежит. Из глаз слезы катятся, да крупные! На землю падают и в алмазы сворачиваются, блескучие, яркие. Да за один камень такой город в крови утопить могут! Страх мой ушел. Ни разу я такого не видела, ничего не знаю о них...

— Чего ревешь? — говорю.

— А чего не реветь? — голос жуткий, как из бочки, в гул вплетается, струной гудит. — Заперся за тридевять земель от дома родного и вернуться не могу. Невеста моя бежит от меня, как от чумного. Ведьмы все рядом кружат, стервятницы, всяк норовит избидеть!

Приподнялся чуть, передними копытами все камни драгоценные в пол земляной втоптал, лег обратно.

— Звать-то тебя как? Кто таков? Откуда взялся? Еще и невеста! А отчего бежит?

— Я пришел из пустоты, — гуторит по своему, звуки странные, плетутся не по нашенски, кое-как слова подходящие находятся, будто нехотя. — Зовут нас гинаурами, иначе демониками. Обряд у нас такой, — смотрит как на дуру. — Она по древу миров с ветки на ветку скачет. Догонишь — замуж возьмешь. Не догонишь — быть вам порознь всю жизнь, в чужих мирах скитаться, бобылем остаться. А коли страшит тебя участь такова, можно на слабой какой ожениться, да не бывает потомства от них. От слабых-то... Я уж трех, как ты, видел. Только бегут и не возвращаются. Ты вот первая вернулась. Уродливые вы, страх берет, а что делать? Может, хоть помочь сможешь?

Вот уж никогда не помогала пришлым! И в голову не пришло бы... Но этот...

— Невесту твою где найти?

— В полночь она из реки выходит, скачет всю ночь свободно. Травы мнет, посеvy губит. А я встать не могу, как солнце ваше садится. Ноги не держат. На восходе прячется, я весь день ищу ее в реке, да разве найдешь? Она во что угодно обратиться может — хоть в камень, хоть в рыбку, хоть в водоросли.

— Да уж, задачка. Пойду, хоть погляжу на невесту твою...

Про камни смолчать решила. Узнают — в полон возьмут, чего доброго, еще истязать станут, чтобы плакал чаще.

Вышла к реке, смотрю: вода бурлит, ключом кипит, белыми бурунами взялась. Страх свой смиряю, думаю, мало ли как выглядеть могут, а видишь, не злые.

Поднимается. Вот уж тут закаменело все внутри.

Тело у нее как бы конское, да без шерсти, голое. Голова женская, лик вдохновенный, волосы, что заря — охряно-красные, черные пряди в них змеятся. Глаза черные, как у жениха. Вместо ног конских будто руки человечьи. Дрожь пробрала от такого существа. Но мы ведь тоже им кажемся уродливыми.

— Не бойся, — говорю, — от жениха твоего иду. Ищет тебя уже долго, не может найти. Как называешь себя, откуда пришла?

Вышла, воду с тела руками отерла, волосы выжала, смотрит на меня внимательно. Вплетает в гул в ушах голос. Тихий, нежный:

— Нас именуют вальдес-вейде. Мы из пустоты. Эта ветвь оказалась ловушкой для нас. Я живу лишь ночью, а днем сплю, обращаясь то в камень речной, то в водоросль, то в снулую рыбу. Как луна взойдет, ищу его везде, и не могу найти. Плохо мне тут... тело ядом сочится, где ни пройду — трава горит, зерно осыпается. Вот-вот охоту за мной снарядят... В постройки ваши заглядывать маленькие хозяева мешают. Пугают, в лицо кидаются, глаза выцарапать норовят. А друг без друга нам домой не вернуться... Зову я его, зову, да он не слышит меня. Слишком сильно гудит ваш мир. Чувствую, что рядом мой жених, да никак нам не увидеться...

— Много времени в воде проводите, пустота ваша — водный мир?

— Бесконечные воды. Исходят и разливаются по мировому древу. Плыть по водам к истоку — в пустоту уйдешь... Но без гинаура вальдес-вейде не вернуться домой.

Жаль мне их стало, хоть и пришлые, но не пакостливые. Коли держат их тут крепко солнце да луна — жар дня, да жар ночи — дождь их отпустит.

— Надо грозы дождаться. Скроют тучи небо, не будут видеть вас ни луна, ни солнышко, воротится ваша сила, сведу вас обоих, вернуться помогу, — льются слова сами собой, будто кто чужой за меня говорит. В том и сила божен — несколько минут с пришлыми, а ин уже понимаешь, как его домой вернуть. Повела ее к конюшне. Только на десять шагов подошли, выскочил подовинник: шипит, плюется, ручонками машет! Комьями навоза бросаться начал, бесится, в общем.

Вздохнула вальдес-вейде жалобно, слезы из глаз полились кровавые. Как оземь ударились — обратились рубинами. Розовые, лиловые, темно-красные... Пришлось уйти.

Злой подовинник и пожарище устроить может, и человека загубить, и животное.

Камни в землю втоптала, пыли да сора сверху нагребла. Никто не видел. Спокойно домой пошла, а пришла на берегу осталась.

Людей полночь не видно, нечистой силы боятся, наружу не выходят. И слава Супругу!

На утро отнесла денег вдове Акулине, велела жеребца кормить хорошо. Знаю, что добрая она тетка, бестолковая только.

Сходила до кузнеца, согласились они Акулине помочь: забор новый поставить, домик подправить.

Всю жизнь Акулина за мужем прожила, как сыр в масле каталась, а как сгинул он — промотала все имущество, неумеха. Люди злые горем ее воспользовались. Остатнюю копейку тянули, обещали мужа найти да вернуть. Только не возвращаются мертвые...

Три года черная от горя ходила, все спустила. На четвертый, вот, за ум взяться решила, хозяйство поднимать, купила, глупая, коня.

Сходила в местный приход, день да ночь на коленях стояла — молилась Богородице, чтобы дождь ниспослала обложной троесуточный, дабы помочь нуждающимся. Минули два дня и увидела: затянуло небо, да так, что ни единого просвета. И морось туманная окна застит. Поблагодарила мать мужа моего небесного, да стала собираться. Пока благоприятно все — никто за туманом ни обряда не увидит, ни пришлых, ни меня, в искус не впадут — надо делать все быстро.

Вывела гинаура из конюшни, кое-как ноги переставляет, видно — тяжело ему, да идет. Охота пуще неволи. На берегу вальдес-вейде его лежит, дышит еле-еле, смотрю, а у ней-то руки задние в хвост срослись, страсть какая! Вошел гинаур в воду, возлюбленной своей помог с берега в реку вернуться, а у той глаза закрываются, вот-вот уснет!

— Не давай ей засыпать, иначе и не выберетесь отсюда вовеки!

Да он не промах, гриву ее в клюв взял, за собой тащит: супротив течения-то оно совсем не легко идти. Тем более сам еле дыбает.

Берегом иду, молитвы нараспев читаю, супруга небесного молю о помощи, все ведь создания его, все на едином древе живем, каждый — на своей ветке, все от одного корня пошли, единым духом питаемся, даром что разное выглядим, да звук у каждой веточки свой, своя песня.

Пороги впереди. Гинаур не отступает, поднырнул под вальдес-вейде, бормочет ей что-то. Та старается не уснуть, охватила его руками за шею... Так и через пороги перевалили. На теле невесты рыба чешуя показалась. Что же делать?

— Ходу прибавь, — кричу ему.

Вода чуть мельче стала, полегче идти. Уж не по шею ему — всего чуть выше колен.

Чем ближе к истоку, тем гул пустоты в голове сильнее. Ох, как гудит-трещит, сама себя едва слышу, молитв не прекращаю. Ноги болят, идем почти сутки уже. Осталось всего двое. Так и стану, как кузнецова жена... Правда, тощая корова не газель еще. Смеюсь про себя, ничего, дотяну как-нибудь. И не такое вытворяла.

Бредем третьи сутки в тумане, уж и друг друга почти не видно, себя не слышать, едва губами шевелю, а молитв не прекращаю. Пришлось мне в воду сойти, на второй день обратилась вальдес-вейде рыбкой, едва в подол ее подхватила. Так и тащимся. Икры разрываются, спина болит, тошнит, будто жабу в пузо подсадили. И на коня из пустоты взобраться нельзя: вынешь рыбку из воды — погибнет. Одна радость — высоко каменистое дно, идти уж не так сложно, холодная вода заснуть не дает, по ногам плещется.

Перестала ощущать себя: скоро исток. Закружились кругом видения пустоты: создания странные, вечно изменчивые, форму меняют, как хотят. Гармония в них, хоть мне и неведомая, чувствуется. Гул пустоты перекрикиваю:

— Отправляю вас силою, Супругом мне данною, в мир, именуемый пустотой. Именую вас гинауром, иначе демоником, и вальдес-вейде. И сказал Муж мой: кто хочет к корням древа мирового прийти, пусть идет супротив течения к истоку. Сильный дойдет, слабого донесет. Отныне и присно и вовеки веков. Вот грань меж ветвей мною положена, вот те, кто преступит грань и туда отправится. Я начинаю, и Муж мой начинает. Раскрываю врата, отпускаю пришедших домой. Я говорю, и Он говорит... — грохочет мой голос, волнами поднимается, не одна уже говорю — Он говорит за меня и со мной.

Туман рассеялся над истоком, что бьет из-под земли, давая начало реке. Воздух радужной пленкой взялся, переливается, с той стороны до небес воды стали.

Подала пришедшему рыбку его золотую. Осторожно он ее в клюв взял. Вперед рванулся, через завесу прошел, даже спасибо от радости сказать забыл. Сомкнулись воды над ними, опала грань. И...

Как не было ничего. Выползла из воды, силы оставили, тут же на берегу свалилась и уснула.

Очнулась, чую, жажда мучает. Во время обряда ни есть ни пить нельзя, иначе сила из молитв творимых уйдет. Напилась из родника-истока, поблагодарила Всевышнего за доброту его: жива осталась в этот раз и пришедшие домой вернулись.

Вышла на тракт межгородний, до города, где вещи свои оставила, за сказку довели. Шум, гам стоит. Люди туда-сюда носятся, будто пожар где. Все к реке бегут, испугалась: вдруг с Акулинкой что? Прознал кто про камни, в землю ее втоптаные, да и порешили вдову? Подхватила юбки, да бегом.

Милостив Супруг небесный, наградил вдовую за доброту ее, пришлому оказанную. Слышу, власти городские громко переговариваются, мол, нашли на земле Акулины-вдовы два месторождения — рубиновое да алмазное, выкупить хотят, рядятся. А рядом голоса кузнеца да жены его слышать, торгуются, условия ставят, чтобы Акулинку не обманули, за копейки такие богатства не увели...

Не стала через толпу толкаться, нечего мне делать тут, сделаны уж дела. Пора дальше ехать. Мало ли какие пришлые еще по миру скитаются, дорогу назад ищут.